

**«УМЕТНИК ОД РУСИЈА»:
МАКЕДОНСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ХУДОЖНИКА-ЭМИГРАНТА ИВАНА МЕЛЬНИКОВА**

Наталья Б. Лапаева¹

*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Пермь, Россия*

Keywords: Russian first wave of emigration, Russian in Macedonia, icon painter Ivan Melnikov, national and cultural identity, dialogue of cultures

Summary: The article considers the “macedonian” period of creativity Russian artist-emigrant Ivan Melnikov. Analyzed the destinations of activities Melnikov: as the creator of icons and frescoes in the Macedonian and Serbian monasteries and churches, as the theater artist and scenographer, as the teacher of iconography. Creativity of Melnikov considered in the context of the fate of the Russian emigration in the Kingdom of Serbs, Croats, Slovenes and on the background of the life and activities of the Russian colony in the Macedonian town Bitola. It is alleged that Melnikov, like many members of the Russian emigration 1920-30, kept his national identity and strove to cultural dialogue with the Slavic peoples among whom he lived.

Ключевые слова: Первая волна русской эмиграции, русские в Македонии, изограф Иван Мельников, национальная и культурная идентичность, диалог культур

Аннотация: В статье рассматривается «македонский» период творчества русского художника-эмигранта Ивана Мельникова. Проанализированы направления деятельности Мельникова: как создателя икон и фресок в Македонии и сербских монастырях и церквях, как театрального художника и сценографа, как учителя иконографии. Творчество Мельникова рассматривается в контексте судьбы русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов, словенцев и на фоне жизни и деятельности русской колонии в македонском городе Битола. Говорится, что Мельников, как и многие члены русской эмиграции 1920-30 гг., сохранил свою национальную принадлежность и стремился к культурному диалогу со славянскими народами, среди которых он жил.

Значение балканских стран в судьбах русской эмиграции первой волны трудно переоценить. Балканы, а особенно Югославия, стали ме-

¹ © Лапаева, Н.Б., 2015.

стом спасения многих русских, вынужденно покинувших Россию после революции 1917 г. и в момент последовавшей за ней кровопролитной Гражданской войны. В 1918 г. в результате развалившихся Австро-Венгерской и Османской империй на Балканах возникло «молодое» государство – Королевство сербов, хорватов и словенцев, оказавшееся под скипетром православного сербского монарха Александра I Карагеоргиевича. По мнению Алексея Арсеньева, «для русских беженцев оно оказалось одним из самых гостеприимных государств Европы» (Арсеньев, 2010). Это проявилось в том, что, «как в столице, так и при “русских колониях” во многих городах страны возникали храмы, столовые, школы, библиотеки, театральные, литературные, музыкальные общества, хоры, приюты, филиалы эмигрантских военных и политических организаций. Сербская православная церковь и правительство страны дали возможность русским иметь свои церковные приходы, начальные школы, кадетские корпуса, девичьи институты, гимназии, санатории, прессу и издательства» (Арсеньев, 2010). Королевство сербов, хорватов и словенцев приняло русских изгнанников как православных братьев-славян, а его народ явил высокий пример понимания, сочувствия, чести, благородства, исторической памяти, провидения грядущего.

Местом, где с наибольшей интенсивностью формировалась русская диаспора, пытавшаяся сохранить свою национальную самобытность и одновременно активно взаимодействующая с культурой окружающих ее славянских народов, был, без всякого сомнения, Белград. Бобан Чурич в своей книге «Из живота русског Београда» (Београд, 2011), назвав и проинтерпретировав некоторые события и направления культурной и духовной деятельности русских в Белграде в 1920-30-е гг. – «Конгрес руских писаца и новинара у емиграција и његово место у српској и руској култури» («Съезд русских писателей и журналистов в эмиграции и его место в сербской и русской культуре» [здесь и далее перевод мой – Н. Л.]), «Обележавање стогодишњице рођења Л.Н. Толстоја у Београду 1928. године» («Празднование столетия Л. Н. Толстого в Белграде в 1928 году»), «Руска емиграција на заштити руског језика» («Русская эмиграция на защите русского языка»), «Драма “Царевич Алексеј” Мерешковског на сцени Народног позоришта» («Драма “Царевич Алексей” Мережковского на сцене Народного театра») и др., – делает вывод, который трудно оспорить: «Феномен “русски Београд” јесте и руска емиграција, чији је политички, духовни и културни центар у датом периоду Београд несумњиво био. Руски Београд је такође и перцепција руске културе, науке, књижевности и уметности у културној средини српске-југословенске престонице» [«Феномен “русский Белград” – это русская эмигра-

ция, чьим политическим, духовным и культурным центром в этот период Белград, несомненно, был. Русский Белград есть также и восприятие русской культуры, науки, литературы и искусства культурной средой сербско-югославской столицы»] (Ђурић, 2011: 5).

Эмиграция в Королевство сербов, хорватов и словенцев участников Белого движения и гражданских беженцев во время Гражданской войны в России, а также процесс формирования уникальной социально-политической и духовной среды русской эмиграции на его территории – особенные и глубокие проблемы, которые не могут не волновать исследователей феномена русской эмиграции первой волны. Отметим, что особенности жизни русской диаспоры в Белграде в 1920-30-е гг. подвергались довольно тщательному исследованию и так или иначе проработаны. Сведений же о русских эмигрантах, осевших в провинции Сербии, в Черногории, в Македонии, в мусульманских Боснии и Герцеговине, в католико-протестантских регионах Далмации, Хорватии, Словении, где также проявлялась их политическая, творческая, религиозная активность и где устанавливался культурный диалог с окружающей их средой, существует гораздо меньше. Тем важнее, с нашей точки зрения, включиться в процесс сбора материалов о пребывании русских в этих частях Королевства сербов, хорватов и словенцев. Думается, каждый «уголок» Королевства сербов, хорватов и словенцев, в котором находились представители русской диаспоры, должен быть выявлен, научно описан и достойно представлен в истории русского зарубежья.

Одним из таких «уголков» балканского мира, где вынужденно обретались русские изгнанники после катастрофы октябрьского переворота в России, стала Вардарская Македония, бывшая в то время частью обширного Королевства сербов, хорватов и словенцев. Места «рассеяния» русских в Македонии – Скопье, Битола, Велес, Штип, Прилеп и др. Попав в новое для себя пространство, русские эмигранты «не сидели сложа руки». Как утверждает Александр Стерьовский, они «формираат колективи со организирана структура, градат цркви и заживуваат живот што му е близок на оној во старата татковина. <...> Организираат и културно-уметнички групи, прославуваат датуми од својата историја, организираат рускиот ден како манифестација со која го привлекуваат вниманието и на не-руската средина. Во поголемите заедници, како што е Скопје, организираат и училишта на руски јазик за своите деца, односно целото време живеат со својата Русија и се подготвуваат за враќање назад» [«формируют коллективы с организованной структурой, строят церкви и живут жизнью, которая им была близка на их старой родине. <...>. Они организуют и культурно-художественные общества, отмеча-

ют даты своей истории, организуют русский день, мероприятие, которое привлекает внимание и нерусского окружения. В наиболее крупных сообществах, таких, как в Скопье, например, организуют и школы на русском языке для своих детей, т.е. все время живут Россией и готовятся вернуться назад»] (Стерјовски, 2003: 48-49).

Наиболее многочисленной и активной в Македонии в 1920-1930-е гг. русская диаспора была в городе Битола. Находящийся на юге Македонии, у границы с Грецией, Битола – уникальный город, имевший богатое историческое наследие и крепкие культурные традиции: почти в самом центре города сохранились остатки античного города *Heraclea Linkestis*, основанного царем Филиппом II, отцом Александра Македонского; во второй половине XIX в. Битола, после Салоников, – самый крупный экономический центр этой части Балкан, она торгует с Венной, Парижем, Лейпцигом, Лондоном; вплоть до балканских войн 1912-1913 гг. город находился под турецкой властью, но в нем размещалось несколько консульских миссий европейских стран, включая и российскую, консулами в которую в разное время были назначены такие яркие личности, как М. Хитрово, Н. Якубовский, А. Ростковский. Заинтересовывает характеристика русской колонии, образовавшейся в Битоле в 1920-е годы, современного македонского журналиста Бориса Камчева: «Една од најпознатите руски заедници во Македонија се вдомила во Битола. Била составена од ветераните од Солунскиот фронт за време на Големата војна и од белогвардејците, бегалци од пеколот на болшевичката револуција, граѓанската војна и погромите на сите што мислеле поинаку од Ленин» [«Одно из наиболее известных русских сообществ в Македонии находилось в Битоле. В него входили ветераны Салоникского фронта во время Большой войны и из белогвардейцев, спасшихся от ада большевистской революции, гражданской войны и преследований всех тех, кто думал по-другому, чем Ленин»] (Камчев, 2014: 11).

Русские эмигранты, появившиеся в Битоле в 1920-е годы, довольно органично вписались в битольский контекст, стали неотъемлемой частью исторического, культурного, духовного пространства города.

В большинстве своем русские эмигранты были людьми с образованием, владевшими хорошими профессиями, имевшими достойное воспитание. Поэтому они сумели и в новой для них социальной среде применять свои знания и умения и реализовывать свой профессиональный и творческий потенциал. Если привести названия некоторых из глав книги Александра Стеръовского «Битола. Руската колонија» (Битола, 2003) – «Генерали и други офицери» («Генералы и другие офицеры»), «Лекари и друг медицински персонал» («Врачи и другой медицин-

ский персонал»), «Наставници» («Учителя»), «Инженеры и техничари» («Инженеры и технические работники»), «Уметници» («Художники»), «ЗанаETCHИИ» («Ремесленники»), «Руси – ученици во Битолската бого-словИЈа» («Русские – слушатели Битольской духовной семинарии») и др., – то направления профессиональной деятельности русских в этом городе можно представить очень ясно. Разнообразие профессий, помогавших русским эмигрантам вписываться в социальную среду Битолы и активно влиять на нее, точно и живо обрисовано Андреем Арсеньевым в его рецензии на книгу Александра Стерьовского «Битола. Руската колониЈа»: «Русские артели бурили и копали колодцы, прокладывали водопровод в городе и деревнях. Первый в городе автомеханик, Владимир Клочко, чинил грузовики, оставшиеся на свалках после войны, он одним из первых приобрел легковую машину в Битоле. <...> Русские поступали рабочими на железную дорогу, становились шоферами, плотниками, поварами, мельниками <...>. Несколько десятков русских трудилось землемерами, геометрами. Ряд военных инженеров и техников всю жизнь работали здесь по специальности (Валерий Гусев, Константин Макаренко, Евгений Александров и др.). <...> В местной гимназии и коммерческом училище преподавало много русских. <...> В городе обосновались “новые” русские врачи: эпидемиолог Николай Филатов, руководитель противомалырийной станции; врачи Евгения Макаренко, Павел Лобода, Семен Зиберов, магистр фармации Андрей Тимофеев. В Битоле нашли себе работу и русские агрономы, даже юристы-адвокаты» (Арсеньев: [электр. ресурс]).

Разнообразны формы участия русских и в культурной жизни Битолы в период с 1920-х гг. до Второй мировой войны. Среди русских эмигрантов было немало художественно и музыкально одаренных людей, и они существенно влияли на культурный фон Битолы. Битольчане знали как талантливых художников Георгия Канарёва, писавшего виды старой Битолы, Иосифа Муравича, Евлогия Двораковского. Память о себе в городе оставили и русские, занимавшиеся музыкой: Андрей Мальцов играл в духовом оркестре 46-го битольского полка, регентами русского церковного и городских хоров были Николай Карпов, Сергей Наумов, Сергей Кошевой. Известна тяга русского человека к хоровому пению. В Битоле, как и во многих других местах своего «рассеяния», русские создали хоры: церковный и мужской. Некоторые певчие состояли и членами городских хоров и хора семинаристов. По словам Александра Стерьовского, в то время была известна поговорка: «Двое македонцев – партия, двое русских – хор».

Как уникальную можно охарактеризовать и деятельность Русско-

го клуба, созданного русскими эмигрантами в Битоле в 1923 г. Русский клуб в Битоле – в чем-то аналог Русского Дома в Белграде. Его роль в сохранении русскими эмигрантами своего национально-культурного менталитета весьма велика. В этом убеждают формы работы и содержание мероприятий, проводимых организаторами Русского клуба: «Клубот бил и врталиште, но и место за културно-забавни активности. Во почетокот имал и неколку секции: пејачка, фолклорна и драмска. Тука биле подготвувани настапите, тука се држеле и средби, но и предавања. Тој, всушност, многу успешно го пренесувал далечниот руски амбиент и поединецот Русин се чувствувал најмногу свој. Клубот преземал и активности од манифестационен карактер. Така, на 19 мај 1923 год. во црква-та св. Богородица организирал заупокоена богослужба за императорот Николај II. <...>. На 5 септември 1924 год. во салата на Кино “Манакѝ” Рускиот клуб ќе прикаже концерт за паметење со богата програма, во која имало песни, народни игри, хорски песни и др., а на 2 август 1925 год. ја организирал и прославата на рускиот ден» [«Клуб был и местом сборищ, и местом культурной деятельности и развлечений. Вначале он имел несколько секций: певческую, фольклорную и драматическую. Тут готовились выступления, происходили встречи и велось преподавание. Он, в сущности, успешно воспроизводил далекую русскую атмосферу, и каждый отдельный русский чувствовал себя здесь своим. Клуб имел и деятельность манифестационного характера. Так, 19 мая 1923 года в церкви св. Богородицы была организована заупокойная служба по поводу кончины императора Николая II. <...>. 5 сентября 1924 года в кинозале “Манакѝ” Русский клуб подготовил концерт, запомнившийся богатой программой, в которую вошли песни, народные игры, хоровые песни и др., а 2 августа 1925 года он организовал и отпраздновал русский день»] (Стерьовски, 2003: 159-160). Особенно значение для русских эмигрантов имела Русская библиотека, которая стала частью Русского клуба. В ее фонде, составлявшем в 1936 г. 2400 книг, были издания и на сербско-хорватском языке, и на русском (Пушкин, Лермонтов, Тостой, Достоевский, Чехов, Бунин, Куприн, Цветаева и др.). Однако Русская библиотека была для «русских македонцев» в Битоле не только тем местом, куда приходили брать книги для чтения – местные власти, одобившие открытие Русской библиотеки, по сути, открыли путь для формирования на ее базе культурно-просветительского общества, назвав его «Русская библиотека» и разработав для него «Правила». По замечанию Александра Стерьовского, «Библиотека, всушност, била само еден сегмент, дека покрај позајмувањето книги таа се бавела со многу побогата дејност. Во еден член од Правилата, дефинирајќи го тоа, стои

дека Друштвото “Руска библиотека организира: библиотека, читална, приредува предавања, музичко-литературни забави, итн.”» [«Библиотека, в сущности, была только частью, так как кроме организации обмена книг она занималась более обширной деятельностью. Это определяется в одном из Правил, где сказано, что Общество “Русская библиотека организывает: библиотеку, читальню, лекции, литературно-музыкальные мероприятия и др.”»] (Стерјовски, 2003: 155).

Свои религиозные потребности русские удовлетворяли, посещая местные православные церкви, которых в Битоле – множество. Однако в среде русских эмигрантов-«битолчан» зрело желание обрести свою собственную церковь, устроенную по традициям русского православия. И это желание было реализовано: в 1926 г. в Битоле появилась Церковь Св.Троицы, построенная на средства русских эмигрантов, в числе которых были и архитектор Валерий Гусев, приближенный Николая II, и его супруга Татьяна Гусева, балерина одного из Петербургских театров. Церковь Св. Троицы и сегодня известна как «русская». Когда автор статьи в поисках храма обращался к битолчанам с просьбой показать место нахождения церкви Св. Троицы, они сначала затруднялись это сделать, но чуть позже, понимая, что именно имеется в виду, тепло переспрашивали: «Так вам нужна “русская” церковь?» и брались сопровождать до самой церкви

Выше мы охарактеризовали «общую судьбу» русских, участников Исхода после революции 1917 г., живших на территории Македонии, в частности в Битоле. Однако, с нашей точки зрения, очень важна и другая «оптика» – «оптика единственного», когда появляется потребность всмотреться в индивидуальные судьбы русских эмигрантов в Македонии, осмыслить жизнь не «всех», но «каждого», сфокусировать внимание на пероналиях.

Думается, не будет преувеличением сказать, что на общем фоне существования русских эмигрантов в Македонии особенно выделяется талантливый представитель ее художественной элиты изограф Иван Юстинович Мельников.

Биографических сведений о Мельникове не так много, и в наших знаниях о его жизни имеются «белые пятна». Однако главные вехи судьбы художника реконструировать все-таки можно: он родился в 1896 г. в Петербурге; был студентом Императорской Академии художеств; во время Гражданской войны оказался в белом движении (как пишет Александр Стерьовский, он «се тверди дека бил полковник во Белата армија» [«утверждал, что был полковником в Белой армии»]) (Стерјовски, 2003: 79); после распада Русской Армии Врангеля, как и многие русские во-

енные, попал на Балканы – в Королевство сербов, хорватов и словенцев, поселившись в Битоле и оставаясь в этом городе до своего отъезда в США после Второй мировой войны. Александром Стерьовским обнаружена церковная запись, отразившая факт венчания Мельникова: «Иван Ј. Мелников, роден 27 јануари 1896 год. во Петроград, ул. Св. Савска 31, “живописец”, татко Јустин Ј. Мелников, трговец и Наталија од Петроград. Прв брак. Невеста: Хрисула Васильевиќ, ул. Савска 83, татко: пок. Спиро Васильевиќ, столар, Василикија, од Битола. Родена 1905 год. во Битола. Венчани 15 јули 1934 год. во манастир св. Наум кај Охрид, ги венчал јеромонах Данило, собрат на манастирот св. Наум. Кум Стојан Ковљанин, потпоручник на Битолскиот округ и старо сват Димитрије С. Васильевиќ, столар од Битола» [«Иван Ю. Мельников, родился 27 января 1896 года в Петрограде. Ул. Св. Савская 31, “художник”, отец Юстин Ю. Мельников, торговец, и мать Наталья из Петрограда. Первый брак. Невеста: Хрисула Василевич, ул. Савска 83, отец: Спиро Василевич, столяр, мать Василикия, из Битолы. Родилась в 1905 году в Битоле. Венчаны 15 июля 1934 года в монастыре св. Наума в Охриде, венчал иермонах Даниил, служитель монастыря св. Наума. Кум Стоян Ковлянин, подпоручик Битольского округа и шафер Дмитрий С. Василевич, столяр из Битолы»] (Стерјовски, 2003: 223). Как видим, этот документ отражает не только событие женитьбы Мельникова, но содержит и другие важные сведения о нем, а именно: о родителях Мельникова, о его профессии, о социальном положении семьи его жены, наконец, о его битольском адресе.

Мельников рекомендовал себя как «уметник од Русија» («художник из России»).

Известно, что Мельников был педагогом – он преподавал рисование в школе «Даме Груев» в Битоле. Знавшие Мельникова отмечали его педагогический такт, благородство, уважение к ученикам. Кроме того, в Битоле Мельников работал и как театральный художник. Битола славилась своим театром драмы: в нем ставились актуальные и яркие спектакли. (Заметим, что «Народен театар-Битола» в Битоле и в настоящее время – один из лучших в Македонии. Его репертуар не тривиален и представлен пьесами Артура Миллера, Иво Андрича, Хайнера Мюллера, Мики Мюллера; художественное решение постановок спектаклей отличается оригинальностью и выполняется с учетом современных достижений в мировой театральной сценографии.) Мельников начал сотрудничать Народным театром в Битоле в 1946 г. Первым сценографическим опытом художника стало оформление спектакля «Печалбари» Антона Панова. После этого спектакля Мельниковым было создано

еще 60 сценографий, что, во-первых, можно назвать доказательством его собственной творческой активности, во-вторых, – свидетельством востребованности его таланта в той культурной среде, в которой он оказался.

И все-таки главное, что являлось истинным увлечением Мельникова, – это иконопись и фресковая живопись. Мельников изучал иконы и фрески, создавал иконы для храмов и расписывал их фресками, учил основам искусства иконописи и фресковой живописи своих учеников. По сути, Мельников подключился к очень важному процессу реставрации православных храмов на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев, пострадавших в вереницах войн и от «зубов времени»; он восполнял настоятельную необходимость в изографах, способных восстановить утраченные сокровища.

Оказавшись в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Мельников начал внимательно знакомиться с духовной культурой православных народов, входящих в его состав. Как художника его интересовали национальные духовные традиции в изобразительном искусстве македонцев и сербов. И здесь было чему поучиться. Еще в XI-XIV вв. на территории Македонии утвердился собственный стиль фресковой живописи; многочисленные македонские и сербские церкви и монастыри имели уникальные и хорошо сохранившиеся фрески и работы средневековых иконописцев. Посещая большое количество монастырей и церквей, Мельников тщательно и скрупулезно изучал особенности стиля средневековой фресковой живописи и иконописи, проникая в глубины духовной культуры южных славян, ощущая все более и более связь русской и южнославянской православной духовной традиций. Впоследствии в своих собственных работах Мельников пытался соединять особенности русского (он освоил стилистику Андрея Рублева), македонского и сербского иконописного и фрескового письма. Первый свой иконостас Мельников выполнил еще в 1921 году: он работал для церкви Св. Николая в маленьком македонском селце Наколец на берегу Преспанского озера.

Следы творческого «присутствия» Мельникова, иконописца и создателя фресок, можно обнаружить во многих местах Македонии. В «русской» церкви Св. Троицы в Битоле имеется ряд икон, на которых обращают на себя внимание буквы «И. М.» и обозначенный год – 1927. «И. М.» – это не что иное как автограф Ивана Мельникова, а значит, свидетельство того, что иконостас церкви Св. Троицы до сегодняшнего дня сохранил иконы, написанные рукой русского художника-эмигранта еще в далеком 1927 г. Особенного внимания заслуживает икона Святой

Троицы, являющаяся результатом рецепции художественным сознанием Мельникова творчества его известного соотечественника – монаха-иконописца Андрея Рублева. В Битоле, кроме церкви Св. Троицы, построенной русскими эмигрантами, Мельников работал и в других церквях: он исполнил фрески в церквях Св. Богородицы и Св. Недели, писал иконы для иконостасов церквей Св. Петки, Св. Петра и Св. Павла.

Перечень мест, связанных с творческой деятельностью Мельникова в Македонии, не ограничивается Битолой, но предстает весьма обширным: художник работал для церкви Св. Николая в городе Струга; писал иконы для церкви Св. Анастасии в монастыре Св. Наума, расположенного в тридцати километрах от древнего города Охрида, являющегося своего рода православной столицей на Балканах; выполнил три иконостаса в местечке Манастирац близ Дебара; оформлял иконостасы в церкви Св. Феодора Тирона в селе Српци и церкви Св. Богородицы в селе Трново Магарево, находящихся недалеко от Битолы; создал прекрасные фрески в монастыре Калиште.

Серьезное увлечение иконописью и фресковой живописью привели Мельникова к решению наладить контакты с двумя важными культурными центрами Русского зарубежья – обществом «Икона» в Париже (l'Association «l'Icone») и пражским «Институтом Кондакова». По утверждению Виктора Косика, Мельников «входил в парижское общество «Икона», поддерживал связи с «Институтом Кондакова» в Праге» (Косик, 2010: 40). Это крайне важная информация о Мельникове. Она позволяет составить представление об умонастроениях Мельникова как изографа, о доминантах его художественного мировоззрения, о направлениях развития его творческой мысли.

Можно предположить, что, будучи членом знаменитого общества «Икона», созданного в 1927 г. в Париже по инициативе Владимира Павловича Рябушинского с целью распространения знаний о русской иконе, Мельников не мог не руководствоваться его главной идеей – возрождения и продолжения традиций древнего русского иконописания, противостояния существовавшей тогда ориентации на иконы в духе В. Васнецова или академического письма XIX в. Возможно, Мельников был знаком и с изданной Обществом книгой «Техника иконописи» – практическим руководством к писанию икон по каноническим образцам, которая и сегодня сохраняет свою ценность как лучшее учебное пособие для иконописных мастерских. Мельников подключился к деятельности Общества, которое определяло икону как памятник национального русского творчества и воплощение его духовной красоты, занималось богословским и каноническим изучением икон с точки зрения их церковного и

литургического содержания, высоко ценило искусство иконы, предназначенной для молитвенных надобностей.

Если же Мельников был связан, как утверждает Виктор Косик, с пражским «Институтом Кондакова» («Археологический институт имени Н.П. Кондакова», созданным на основе «Семинария имени Н.П. Кондакова» учениками ученого), то, без сомнения, он познакомился с трудами Никодима Павловича Кондакова, выдающегося исследователя византийской и древнерусской художественной культуры, историка церковного искусства, а также с работами его учеников-последователей. Скорее всего, он читал издаваемые Институтом «Сборники статей по археологии и византиноведению» и «Анналы», в которых интерпретировалось преимущественно византийское церковное искусство – как изобразительное, так и архитектура, а также искусство сопредельных с Византией православных стран. В любом случае взаимодействие Мельникова с обществом «Икона» и «Институтом Кондакова» было плодотворным, поскольку удовлетворяло его неподдельный интерес к иконописи и желание проникнуть в сущность иконы, понимаемой им как образное выражение главных идей и духа христианства.

Своими знаниями об искусстве иконописи и талантом изографа Мельников щедро делился со своими учениками. Известно, что он вел иконописную мастерскую. Мельников передавал ученикам свои знания об истории иконописного искусства, обучал их практическим навыкам изображения ликов и сюжетов на иконах и фресках, обсуждал с ними проблемы иконописной техники. Думается, он хотел воспитать у своих учеников чувство равновесия между глубинным соответствием канонам и подлинным творческим порывом, которое позволило бы им выйти за рамки ремесла и оживить древнее искусство иконописи. В мастерской Мельникова прошли курс более 50 художественно одаренных его учеников. Один из них – Младомир Тодорович, известный сербский иконописец, профессор духовной семинарии Св. Арсения в Сремских Карловицах. Итак, результаты размышлений над «македонским» периодом в судьбе и творчестве художника-эмигранта из России Ивана Юстиновича Мельникова, в сущности, подтверждают мысль сербского историка русской эмиграции на Балканах Мирослава Йовановича о том, что пребывание в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1920-30-е гг. многотысячной армии русских эмигрантов являлось как «одним из наиболее драматичных», так и «исключительно плодотворных в культурном аспекте событий в русско-балканских взаимоотношениях» (Йованович, 2005: 7-8). Находясь в Македонии, русский художник Мельников сохранил верность традициям отечественной культуры и вместе с тем

был открыт к диалогу с культурой окружающих его славянских народов. Важно подчеркнуть и то, что соприкосновение Мельникова с художественными и духовными традициями этих народов имело двойной «эффект»: с одной стороны, оно закрепляло его национально-культурную идентичность, с другой – расширяло ее границы, давая возможность не только обособиться в самом себе, но и раскрыть себя для других.

Литература:

Арсеньев, А. *Две книги о Русской эмиграции в Югославии.*

[Электронный ресурс]. http://www.maznew.narod.ru/maznevtur/etap10/dn10_11/ars_3.htm

Арсеньев, А. Жизнь русской эмиграции в Сербии. В: *Новый журнал.*

2010. № 259. [Электронный ресурс]. <http://magazines.russ.ru/nj/2010/259/aa18.html>

Йованович, М. 2005. *Русская эмиграция на Балканах: 1920-1940.*

Москва: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь.

Камчев, Борис. Руската емиграција и Путин. Во: *Слободен печат.* 2014. 5 септември.

Косик, В. И. 2010. *Русские краски на балканской палитре:*

Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). Москва: Институт славяноведения РАН.

Стерјовски, А. 2003. *Руската колонија.* Битола: Младински културен центар.